

Век. Москва. 2008. 24 Дек. 05

Виктория, дочь Владимира

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ПОБЫВАЛ В ГОСТЯХ У ПАНИ КАРОЛИНКИ

В доме у **Виктории Лепко**, незабываемой пани Каролинки из столь же незабываемого «Кабачка 13 стульев», дочери великого русского комика **Владимира Лепко**, живет кот. Черный, с белой отметиной. Нравный такой котятка. Чуть что не по нем — царапаться и кусаться. Почему, мол, не играешь со мной, хозяйка? Я зову-зову, а тебе важнее разговоры разговаривать! Вот уйду — так и знай!

■ **Ольга МОЗГОВАЯ**

И в самом деле — ушел. Обиделся.

— Во какой, — сердито смеется Виктория Владимировна, — прямо аристократ, и откуда что берется: с улицы же в театр прибежал!

— А может, благородных кровей? — высказываю я предположение. — Наследственность, она, знаете ли... Порода опять же...

Из чашек знаменитого «кузнецовского» фарфора пьем с хозяйкой чай. Чашки — старые, фамильные, лепковские. Послезавтра у папы день рождения. 105 лет Владимиру Лепко, Артисту Милостью Божьей, как говорили когда-то, великому русскому комическому актеру, блистательно-первому исполнителю роли Присыпкина в «Клопе» Маяковского, единственному русскому актеру, которого французы наградили Гран-при. За эту роль.

Сильва за дверью

Есть такое пафосное и высокопарное выражение: «Музы стояли у его (ее) колыбели». У ее колыбели — да уж, стояли. Еще как! Представьте себе, что с утра до вечера за стеной распеваются певцы, голосят арии, и без конца твердятся одно и то же: «Сильва, ты меня не лю-ю-би-и-и-ишь!»

А любовь жила в их доме, в их квартире — Большая Любовь. В огромной тридцатиметровой комнате коммуналки на последнем этаже Театра оперетты. Это сейчас Оперетта на Дмитровке, а тогда размещалась в доме, где нынче Театр сатиры.

А до Оперетты был в тех стенах знаменитый Московский мюзик-холл, театр «Варьете». Там-то познакомились и полюбили друг друга Антонина и Владимир. На этих самых подмостках.

Купцы Крупенины жили в Москве, на Мещанской, а железнодорожные инженеры Лепко, потомки запорожских казаков — в Санкт-Петербурге. Кому — революция, а кому — мать родна: если б не тот вихрь враждебный, смешавший нравы, классы, опрокинувший вековые устои, — никогда бы, может, и не встретились они,

Владимир и Антонина. Актер и танцовщица.

— Мама была самой маленькой, в «хвостике» у знаменитой «змейки» Касьяна Голейзовского танцевала. Вообще у них, у Крупениных, вся семья была поющая и танцующая, все мои дядя и тетя — это потрясающие самородки, когда собирались вместе — это было что-то! Часто собирались, у мамы еще пятеро братьев-сестер, все безмерно талантливые люди...

Володя маленький

И вот, когда поженились, папе дали ту комнату. А он рукодельный был! А как рисовал! Он же закончил школу живописи, ваяния и зодчества, рисовальщик был блестящий, шаржи его знаменитые на всю Москву были...

Ну, короче, дали эту комнату, отгородили мне уголок занавесочкой. Я там спала. А вся квартира — человек пятьдесят жило, не меньше, представляешь? И была одна комната, вроде чулана, туда вела всегда закрытая, загадочная такая дверь.

И как-то ночью мне приспичило, понимаешь, проснулась и пошла по коридору. Гляжу — а дверь-то приоткрыта... Дальше — как в кино. Я в эту дверку просовываюсь, любопытная Варвара, — а там... ложа! Ну театральная ложа, люди сидят спинами ко мне! И спектакль идет! Музыка, полумрак!

И в этот момент кто-то огля-

нулся и увидел девушку в длинной ночнушке. Явление младенца народу! Я — пулей вылетела, дверь захлопнула, перепугалась — жуть!

Вот так «Сильва» и разъяснилась...

...А в войну, во время бомбежек мама с новорожденной Викой пряталась в метро — на станции «Маяковская». А папа воевал, был в ополчении. И на себе вынес его из окружения артист Георгий Тусузов, знаменитый актер старой Сатиры. А имя Вика придумал для нее Федор Курихин — тоже «сатировец», друг отца, в «Веселых ребятах» играл развеселого гробовщика, помните? «Тюх-тюх-тюх-тюх, разгорелся наш уют!»

Вот такие музы — у колыбели.

Первая сцена

— Знаешь, — говорит Виктория Владимировна, — есть какие-то мистические закономерности в жизни. Когда меня первый раз позвали в «Кабачок», репетиция была в Театре сатиры. Снимали-то на Шаболовке, потом в Останкино, а репетировали, понятно, в Сатире — откуда все они «родом». Мы-то давно уже оттуда переехали... и вот иду я на эту репетицию, а где конкретно — мне не сказали. Иду, иду... и оказывается, что иду к себе! В ту самую комнату, где спала за занавесочкой и где мне спать вечно не давали, потому что после каждого спектакля приходили к папе и маме шумные компании, болтали, смеялись, ужинали...

И когда до меня доходит, что я — здесь, в своем детстве, — ты не представляешь! Ноги подкосились, я села вот так, всю трясет... как репетировала — не помню. Сейчас в этой комнате — репетиционный зал имени Владимира Лепко. Трогательно, конечно...

А первый раз я вышла на сцену — знаешь, где? За Театром сатиры был сад Аквариум, а после войны там была стройка здания Театра Моссовета, какие-то груды битого кирпича, темное такое место, говорили, что там «шпана», и мне мама строго-настроено запрещала ходить там. Ну а я, конечно, гуляла, с подружкой своей, Риткой, вечно лазили не там, где надо, хулиганки были отчаянные... Ну и вот, в этих развалинах была самая настоящая сцена, я на эту сцену влезала и что-то там изображала из себя. С большим успехом у «публики» — той же Ритки.

Да и разве сравнить те, тогдашние, «темные» московские места — с теперешними?! А тогда — вся Москва была наша: Бронная, Патриаршие пруды, где катались на коньках, всякие закоулки-переулки возле Триумфальной площади...

И вот — к вопросу о мистике. Как-то однажды, в новогоднюю ночь, спустя много-много лет уже мы с приятельницей решили пройти по нашим старым переулкам — от Маяковки до Бронной, до Патриарших. Ночь, настоящая такая, рождественская, снег, фонари, тишина... и за нами идет черный кот. Черный-черный кот. Так и шел до самых Патриарших прудов, не отставая и не приближаясь, — огромный, какой-то настоящий булгаковский Бегемот, — и словно охранял! И обратно довел, до дома — и вдруг исчез!

Так и поверишь в ангела-хранителя или переселение душ...

«Хочу домой, в холодную Москву...»

— Сейчас, конечно, все изменилось в Москве — не та Бронная, не та Триумфальная, не те Патриаршие, наш район — метро «Аэропорт» — неузнаваемо переменился. С этим, конечно, ничего не поделаешь, но все равно, Москва есть Москва, надо куда-то надолго уехать и сильно заскучать по ней, чтобы понять, как сильно, несмотря ни на что, ты ее любишь.

У Виктории Лепко есть такие строки... да! Вы же не знаете еще, что актриса пишет стихи. И у нее вышла уже книга, а в конце января в Центральном доме актера состоится вечер-презентация новой книги стихов...

Так вот, как, кажется, очень «в тему», искренне и проникновенно написала: «Хочу домой, в холодную Москву! В ее домов сырую неуютность! В ее разногласную толпу! Где чувствуешь судьбы сиоминутности! Хотя так изменилось все кругом! В том парке, где с ребятами играли! Построили высотный новый дом! И память детства у меня украли! Трамвая нет, что весело звенел! Весной перекликался с воробьями! И вырубил сад, что зеленел! Где я цветы рвала в подарок маме... И все же я люблю тебя, Москва! Свой старый дом, где родилась когда-то! И пусть пришли другие времена! Но я — воспоминаниями богата.

Какое счастье — эти наши воспоминания...

Виктория с мамой и папой

Высокие отношения

Я разглядываю старые фотографии — черно-белые, любительские. Вот — Викин класс, во дворе женской школы на Бронной. Вот она с папой на Первомайской демонстрации. Вот у мамы на ручках.

А вот уже повзрослевшая, с мамой и... кто это рядом, третий?

— А это мой отчим любимый, Владимир Павлович Бурмейстер, художественный руководитель Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Мама пришла туда работать, в балет и влюбилась в него без памяти. Родители разошлись. Я жутко переживала... но в конце концов оказалось, что у меня целых два папы, бесконечно любимых и любящих! И еще тетя Алла — это первая жена моего отчима, и сводная сестра Наташка, с которой мы всю жизнь дружим, и... что все прекрасно, жизнь прекрасна!

И на праздники мы собирались все вместе, с детьми, с бывшими и нынешними мужьями, потому что у тети Аллы, жены моего отчима, был первый муж, с которым она разошлась, когда вышла замуж за Бурмейстера, а когда он ушел к моей маме, тетя Алла вернулась к своему первому мужу, и прожили они всю жизнь, и вот когда мы все собирались, тут уже понять было невозможно, кто-кому-кто, да и не важно это уже было, там стоял такой хохот, у всех было такое чувство юмора, придумывали какие-то домашние капустники, придумывали игры, розыгрыши, царило такое веселье, все так любили друг друга и нас, детей...

Я разеваю рот, развожу рука-

ми и ничего другого не могу изречь, кроме бессмертного:

— Высокие отношения!

— Великая любовь! И это безо всякой иронии, это были какие-то удивительные люди и удивительные отношения! Понимаешь, все это было без фальши, без лжи, их любовь была не эгоистической, знаешь, когда любят для себя, — а так, чтобы другому человеку было хорошо! И детям, конечно. А как папа волновался, когда у Бурмейстера язва обострилась, как переживал! Искренне совершенно переживал за человека, к которому ушла его обожаемая жена Тоня! Потому что ей плохо, она волнуется! Вот, два Володи, и оба так любили мою маму. Однажды на день рождения подарили оба ей по швейной машинке, не сговариваясь. В общем, спасибо родителям за наше счастливое детство...

— 31 декабря папа всегда одевался Дедом Морозом, приходил ко мне, садился на кровать, начинал долго меня допрашивать, как я себя веду, как я живу, и вообще, стоит ли мне подарки дарить. А я долго не понимала, не узнавала его... потом, конечно, разоблачила!

С днем рождения, папа!

Но традиция была всегда, и елка всегда была, всегда огромная, до потолка, и под елкой лежали

подарки. Всегда-всегда! И еще делал мне куклу, Деда Мороза, — сам, из папье-маше, и раскрашивал...

Когда он умер, мне казалось, что жизнь моя закончена, он был для меня... ну как путеводная звезда, самый большой подарок от Бога. Всю жизнь. Был, есть и будет. В эти дни, перед Новым годом, я его так особенно ясно вспоминаю...

Она говорит, а я думаю: конечно, куда проще сейчас в фирме «заказать Деда Мороза со Снегурочкой». И с игрушками проблем нет. И елок навалом — хоть искусственных, хоть каких.

Но почему-то тогда, в детстве, они долго-долго не осыпались, эти «елки нашего детства». Не в пример нынешним. И пахли не так, как нынче, — ядренее, и мандарины были слаще, и снег пушистее, и звезды рождественские ярче!

Или это нам только так кажется? Потому что тогда были рядом мама и папа — и все было по-другому, и елка, и звезды, и мандарины...

— Спасибо «Вечерке», что вспомнили — про папу, про его день рождения. Ведь нас, артистов, так быстро забывают...

Не будем о грустном, Виктория Владимировна, ладно? Новый год, папин день рождения — и пусть у вас все будет хорошо!

Как в детстве.

ДОСЬЕ «ВМ»

Лепко Виктория Владимировна, актриса. Родилась в Москве, окончила Театральное училище имени Щукина.

Снималась в фильмах «Колыбельная», «Иду на грозу» и других, играла на сцене Малого театра, театра «Варьете», в телевизионном спектакле «Кабачок 13 стульев»...

Трижды бабушка. Пишет стихи.